

Такие странные встречи

Сергей Воронин

2025-04-04

Contents

Такие странные встречи	1
Сергей Воронин	

Такие странные встречи

ББК 67.99(2)11

В 88

Сергей Воронин. Такие странные встречи: Новелла. – Хабаровск: САМИЗДАТ, 2025. 24 с.

Новелла алтайского писателя Сергея Воронина, широко известного в России и за рубежом по автобиографическому роману «Сын Ра», посвящена описанию весьма непростой жизненной ситуации, произошедшей с автором данного повествования в городе Хабаровске в ноябре 2024 года. Основано на реальных событиях и фактах.

Из этических соображений некоторые имена и фамилии литературных персонажей изменены.

© С.Э.Воронин, 2025.

Такие странные встречи

Дорогой читатель! Воистину, конец 2024 и начало 2025 года стали для меня временем глубокого философского переосмысления многих, весьма непростых жизненных моментов, коих за мои 60 лет набралось, прямо скажем, совсем немало. А началось все с того, что 1 ноября 2024 года я сломал ногу. Поломал, надо сказать, капитально, потеряв сознание прямо на борту самолета, следовавшего рейсом «Аэрофлота» в славный город Хабаровск. А дело было так.

31 октября 2024 года я, как обычно, отправился на свою ежегодную сессию в Хабаровский пограничный институт ФСБ России, которому я отдал 18 лет своей бесценной жизни, работая на кафедре уголовно-правовых дисциплин в должности вольнонаемного профессора. Вначале пути ничего не предвещало мне каких-либо неприятностей, но вот непонятное чувство тревоги, нет да нет, мягкими, но настойчивыми тисками иногда придавливало мое изрядно изношенное сердце в течение практически всей пятичасовой дороги от Барнаула до новосибирского аэропорта «Толмачево». Тогда я не придал этому довольно неприятному ощущению особого значения, а ведь напрасно, мой пронизательный читатель – мерцательная аритмия уже приготовила для меня неожиданный, просто сногшибательный квест на высоте птичьего полета.

Примерно через 4 часа полета я почувствовал легкое недомогание и попросил парня в соседнем кресле пропустить меня в туалет. Однако, оказавшись в проходе, я, к своему огорчению, обнаружил гигантскую очередь в туалет. «Надо же, приспичило вас всех тут, совсем не вовремя!» - сердито подумал я, и это была моя последняя мысль в тот момент – внезапно черный провал и я оказался в темной пустой комнате без окон и дверей. В стене напротив меня зияла черная дыра, из которой куда-то вдаль тянулся бесконечный коридор, в

конце которого маячил холодный, тусклый свет. Внезапно все исчезло, и я оказался в зрительном зале Большого академического театра в Москве – я его узнал по старинным, с детства знакомым хрустальным люстрам царских времен. Только вместо артистов Большого театра надо мной склонились испуганные лица стюардесс и растерянных пассажиров. Нашатырь и другие грамотные манипуляции старательных девочек вернули меня, наконец, в реальный мир. А реальность была такова: я стоял в проходе салона самолета, когда у меня внезапно остановилось сердце. Правая нога роковым образом оказалась зажатой между ножками кресла. Я упал в проходе и всем своим весом сломал обе лодыжки правой ступни, разорвал связки между ними и вдобавок получил перелом правой голени. В общем, как мне потом сказала мой лечащий врач – хирург Елизавета Александровна Боглай, я сломал себе все, что только можно было в этом проклятом самолете.

«Пассажиры, есть ли среди вас врач? Нужна ваша помощь!» – закричала одна очень статная и симпатичная стюардесса, похожая на Мерлин Монро. «Есть!» – ответил молодой парень лет 30 с переднего кресла. Оказалось, что это врач – травматолог, который возвращался с СВО на Дальний Восток и волею Судьбы оказался в нужное время и в нужном месте – прежде всего для меня. «Вы капитально сломали себе ногу. Потребуется операция!» – сказал врач, осмотрев мою правую ступню. Она представляла собой печальное зрелище. Кроме перелома я получил еще серьезный подвывих, так что моя многострадальная ступня напоминала вывернутую ножку кузнечика – инвалида. «Необходимо зафиксировать его ногу!» – сказал парень стюардессам. – Мне нужны какие-нибудь коробки!» Девушки принесли ему пустую коробку из-под соков, и врач принялся с помощью ножниц сооружать импровизированную лангетку. На его работу было, действительно, приятно смотреть, так что я получил в тот момент почти настоящее эстетическое удовольствие от его профессиональных, четко выверенных действий. Вскоре лангетка была готова.

«Вы знаете, Сергей, летчики спрашивают вас: мы будем делать экстренную посадку в Чите или же летим дальше?» «Что вы, что вы, никакой посадки в Чите. Мы летим до Хабаровска. Боль вполне можно терпеть, так что не волнуйтесь!» – громко запротестовал я, удивившись тому, что боль в ноге, как – будто, действительно отступила. Было такое ощущение, что меня реально обезболили. «Я бы вам рекомендовал поставить обезболивающее, Сергей. У вас может быть шок!»

- сказал военный врач. «Если ставить укол, то сейчас, пока мы не пошли на посадку», - поддержала его стюардесса. Рядом стоял пассажир, молодой таджик, видимо спортсмен, который с явным сочувствием и эмпатией смотрел на меня. «Соглашайтесь на укол, - сказал мне таджик. - Я - спортсмен, тоже недавно ломал себе руку и хорошо знаю, что такое шок!» «Нет, не хочу, спасибо, боль вполне терпимая!» - наотрез отказался я от этого опасного лекарства, во что бы то ни стало желая сохранить трезвую голову и рассудок в данной непростой жизненной ситуации. Как выяснилось, они мне еще очень понадобятся в Хабаровске по прибытию самолета. «Вы, действительно, хорошо держитесь, Сергей, при такой-то серьезной травме!» - искренне похвалил меня военврач, и его слова в тот момент были как бальзам на мое больное сердце, тем более от видавшего виды фронтовика.

Примерно через час полета самолет начал готовиться к посадке. К этому времени расторопные стюардессы освободили для меня целый ряд кресел, так что я со своей ногой в лангетке чувствовал себя вполне комфортно. Боль слегка утихла, и я полностью отдал себя в руки Всевышнего. Больше от меня в этой ситуации ничего не зависело.

Размышляя над превратностями Судьбы в тот момент, я невольно коснулся вопроса об участии Абсолютного Разума в жизни каждого человека. Мой первый опыт общения с Богом случился в Хабаровске в январе 2007 года. Тогда я уже 2 года жил у родителей, так как перевелся из Красноярска для дальнейшего прохождения службы в Дальневосточный юридический институт МВД России. Родительский дом и тогда, и сейчас был расположен на улице Блюхера буквально в 100 метрах от реки Амур. Только сейчас это - самое гламурное место в Хабаровске, так как аккурат напротив нашего дома находится весьма популярный в народе торгово-развлекательный комплекс «Броско Молл» с аквапарком, где сегодня тусуется и расслабляется по полной вся «золотая» хабаровская молодежь. Вечером 17 января 2007 года мы с отцом отправились на замерзшую реку провести импровизированную фотосессию на амурском льду. «Сережа, ты встань на реке таким образом, чтобы Преображенский собор возвышался у тебя как корона над меховой шапкой», - сказал отец, выбирая экспозицию на льду как заправский фотохудожник. Я послушался мэтра и вот в результате у нас получился этот удивительный фотоснимок, что называется, с сюрпризом от Амура-батюшки.

Спасо - Преображенский собор - это главный православный храм в Хабаровске, возведенный на крутом берегу Амура в

2001-2004 годах по решению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. Это - настолько грандиозное сооружение, что его видно даже с противоположного китайского берега, а уж тем более с нашей улицы Блюхера. Внимательно рассмотрев получившийся фотоснимок, мы с отцом просто обалдели в тот момент.

Возвышающийся над моей норковой шапкой Спасо-Преображенский собор неожиданно для нас превратился в зеленую мечеть с характерной подсветкой исламского храмового сооружения в темное время суток. Справа за моей спиной стоял человек в странном головном уборе, над которым четко просматривался контур орла, а, может быть, и вороны. Человек пристально смотрел в камеру, как - будто специально позируя перед нами, прекрасно понимая, что его видят. Помню, в том момент мы с отцом испытали почти мистический ужас и поспешили убрать эту очень странную фотографию подальше от любопытных глаз. Так, впервые в жизни на моем жизненном горизонте замаячил и во весь голос прозвучал Божественный Ислам. Ну, а дальше все пошло-поехало!

В мае 2009 года уже в Красноярске мне почему-то вдруг захотелось сфотографировать облако, которое живописно проплывало над нашим десятиэтажным домом на улице Мате Залки. В облаке довольно четко просматривалась морда зверя - вероятнее всего, волка. Но самое интересное обнаружилось при увеличении данного снимка. Под зверем явно красовалась арабская вязь и слово «Аллах». Помню, меня охватило странное волнение: приятное, как-будто я прикоснулся обеими руками к нежной шерстке какой-то диковинной, абсолютно неземной очаровательной зверюшки.

Алла́х (араб. ﷲ [ʔalʕːɑːh], дословно — «Бог») — арабское слово, означающее единого и единственного Бога-Творца, и господина Судного дня. В Исламе — единый Бог-Творец мира, пославший к людям своего заключительного посланника (*расуль*) Мухаммада. В других авраамических религиях (иудаизм и христианство) используется арабами и арабоязычными в молитвах и для богослужениях на арабском (родном для них) языке для обращения к Богу. В Аравии до Ислама Аллах был Высшим Божеством и Творцом Всего Сущего. Краткая форма символа веры Ислама (шахады) гласит:

«Нет иного божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха!».

И, наконец, самое неожиданное происшествие эзотерического

свойства произошло со мной 21 марта 2011 года, опять же в Красноярске. Я хорошо запомнил этот день, потому что это был Навруз – **Наврүз**, также **Новруз** (от пехл. «nōg gōz» — «новый день»), Нооруз и Наурыз — праздник прихода весны и Нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских народов. Когда – то очень давно это был главный религиозный праздник у зороастрийцев древнего Ирана. С утра, как обычно, я сидел дома и занимался какими-то домашними делами, когда внезапно в голове появилась и четко оформилась мысль: подойди к телевизору и включи православный канал «Спас». Я не стал сопротивляться этому странному зову: быстро подошел к телевизору и включил его. На канале «Спас» шла прямая трансляция воскресной службы из Троицкого собора Екатеринбургa.

Камера оператора лениво и без особого энтузиазма блуждала по стенам православного храма под монотонный голос священника. Было очевидно, что оператора вконец достало данное священнодействие, и он от души хотел бы побыстрее закончить это скучнейшее мероприятие и принять на грудь 100 заветных воскресных грамм в кругу веселых собутыльников-операторов.

Внезапно камера замерла на одном из изображений, расположенном непосредственно на самом куполе церкви. Я даже успел сходить за фотокамерой и сделать, причем несколько не спеша, тот знаменитый снимок. Я внимательно посмотрел на это изображение и обомлел – это было явно мое лицо. На голове, как водится с некоторых времен, опять же надета эта пресловутая мусульманская чалма. Сама голова в чалме была со всех сторон обложена турецкими подушками – по-видимому, чтобы смягчать в будущем многочисленные удары безжалостной тетушки Судьбы. Но самыми интересными на этой фотографии, конечно же, дорогой читатель, были две надписи: «Серя» и «Дижей». Дело в том, что, еще будучи студентом Алтайского государственного университета, в 1983 году я подрабатывал диджеем на студенческой дискотеке в местном клубе университета. И погоняло мое, то есть творческий псевдоним, на тот момент, было «Серя – дижей». Все это вы сейчас можете лицезреть на представленной выше фотографии. А посему я делаю обоснованный вывод – наш Творец, безусловно, обладает незаурядным, поистине искрометным чувством юмора! И кому, спрашивается, служат эти несчастные служители Русской Православной Церкви в городе Екатеринбургe?

В мае 2012 года я ездил на защиту кандидатской диссертации

моего адъюнкта Игоря Грудина в Екатеринбург. Между сессиями диссертационного совета, я, конечно же, посетил Свято - Троицкий кафедральный собор, но сколько не пытался найти это странное изображение веселого «диджея» на стенах и куполе храма - так и не смог. Это просто какое-то наваждение! А был ли мальчик вообще? И если бы не эта фотография из 2011 года, как неопровержимое вещественное доказательство из моего «темного» прошлого, я бы, наверное, подумал, что реально спятил!

И это еще не все, дорогой читатель. 22 февраля 2022 года, накануне СВО, я, как обычно, включил телевизор в Хабаровске, где находился в очередной командировке в Хабаровском пограничном институте ФСБ России. По 4 каналу «РЕН ТВ», как - раз, шла очень интересная передача про красноярские столбы. Вскоре, глядя на знакомые со студенческой юности скалы, я сам буквально остолбенел на стоп-кадре: вновь на одном из столбов с экзотическим названием «Дед» я увидел лицо этого Деда - самого могучего Деда во всей нашей необъятной Вселенной.[1]

За всеми моими глубокими теологическими размышлениями я даже не заметил, как наш самолет совершил мягкую посадку в любимом и за долгие годы ставшем родным Хабаровске.

Моя эвакуация из воздушного судна прилежными бортпроводницами была разыграна как по нотам - эвакуировали мое брэнное тело просто идеально - что называется, «без шума и пыли» в полном соответствии с должностными инструкциями. Мы дождались, пока последний пассажир, наконец-то, покинет борт, после этого в салоне самолета появились улыбчивые женщины - сотрудницы медсанчасти аэропорта с инвалидной коляской. Вот уж никогда не думал, не гадал, что жизнь на одной ноге тянет за собой настолько длинный и настолько серьезный шлейф ежедневных бытовых проблем. А ведь я находился еще только в самом начале своего «героического» инвалидного пути. И самое интересное, стало быть, ждало меня впереди.

Достаточно сильный душевный дискомфорт у меня вызывало то обстоятельство, что меня, мужика, катила на инвалидной коляске уже немолодая женщина, которая, к тому же, явно не отличалась отменным здоровьем. Елена (так звали эту женщину - медсестру) оказалась на редкость веселой хохотушкой. Прибыв в медсанчасть аэропорта, она принялась балагурить и хохмить, обыгрывая ситуацию моего неудачного падения в самолете. «У вас, Сергей, все прошло по классической схеме: поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся - гипс!» - говорила она, заливаясь звенящим, как утренний колокольчик, смехом.

Я только улыбался ей в ответ – действительно, ситуация была трагикомичной с преобладанием в ней элементов веселого абсурда. «Это же надо так умудриться сломать ногу практически на ровном месте – в самолете!» – никак не могла успокоиться Елена, заряжая меня своим веселым оптимизмом. Осмотрев мою лангетку из картонной коробки, она искренне похвалила военного врача. «Сразу видно – это сделал врач с большим профессиональным опытом. Что не говори, а война – это лучший, хотя и очень жестокий Учитель для врачей всех специальностей. Как говорится, не можешь – научит, не хочешь – заставит!»

Мы прибыли в Хабаровск около 7 часов утра по местному времени. В Барнауле было только 5 утра, но все же я решил позвонить жене и сообщить о печальном происшествии в самолете. Жена долго не брала трубку, затем спросонья некоторое время не могла понять смысл моих слов. Наконец, до нее дошло и в трубке повисла тяжелая пауза – она никак не могла справиться с охватившим ее шоком, почти переходящим в панику. Я, как мог, успокоил Наташу, пообещав позвонить ей из больницы, как только появится ясность в моей дальнейшей судьбе. Ситуация, на самом деле, выглядела на редкость хреново – я оказался со сломанной ногой в чужом городе без семьи и друзей. И даже в собственную квартиру в Хабаровске я теперь долгое время не смогу попасть, к бабке не ходи!

Второй звонок я решил сделать своему непосредственному начальнику кафедры редкостному бюрократу Дмитрию Киселеву. «Как же, все-таки, хорошо, что я отказался от обезболивающего в самолете!» – подумал я, услышав в трубке вечно недовольный голос Киселева. «Что это значит? Как это могло случиться? Вы что, пили в самолете? А как же ваша аудиторная нагрузка? Теперь из-за вас, Сергей Эдуардович, на кафедре будет просто дикое невыполнение учебного плана!» – обрушил на меня каскад риторических вопросов и упреков не на шутку рассерженный Киселев. «Алкоголь я, естественно, не пил, Дмитрий Александрович, так как из-за диабета уже давно отказался от этого сомнительного удовольствия. А нагрузку я могу отработать и после больницы. Судя по всему, я завис в Хабаровске всерьез и надолго!» – как можно спокойным тоном парировал я. «Ладно, я сейчас же доложу о вашей ситуации генералу. И будем вместе думать, что с вами делать дальше!», – мрачно проронил Киселев и повесил трубку.

Вскоре в медсанчасть аэропорта прибыла бригада «Скорой». «Куда его повезем?» – спросила фельдшер высокого мужчину средних лет, по-видимому, врача данной бригады. Это была довольно

симпатичная женщина бальзаковского возраста, явно привыкшая к постоянному вниманию мужчин и с удовольствием получающая все земные бонусы, вытекающие из такого приятного внимания. «Везем его в краевую клиническую больницу №2», куда же еще! - мрачно ответил чем-то недовольный врач. Они погрузили меня на носилки (Господи, до чего же неудобно и дискомфортно жить на одной ноге!) и положили в «Газель». Мне предстояло ехать около часа на жестких рессорах машины «Скорой помощи». Это было что то, друзья! На каждой маломальской кочке машину подбрасывало достаточно сильно вверх, что тут же отзывалось невыносимой острой болью в моей несчастной ноге. Но я мужественно дотерпел всю эту дорожную пытку до конца, вплоть до самой краевой больницы, и в течение всей дороги, к удивлению бригады врачей, не издал ни единого стога.

Мы прибыли в краевую клиническую больницу №2 около 10 часов утра. Краевая больница №2 произвела на меня шокирующее впечатление. Уже при первом взгляде на приемный покой этой больницы краевого уровня было понятно, что врачи здесь находятся на передовой. Поток раненых людей тут не прекращался ни днем, ни ночью. На каталке меня завезли в приемный покой, где со всех сторон на меня обрушились страдания покалеченных в ДТП, бытовых драках, травмированных на катке людей. Особенно врезалась в память девушка - байкерша лет 20, которая довольно сильно разбилась на мотоцикле, но, к счастью для нее, осталась жива. Ее сопровождал убитый горем отец, который помог девушке подняться на каталке и снять грязную, окровавленную одежду. Под ней было очень красивое ажурное белье, которое явно диссонировало с окровавленным телом и грязной верхней одеждой байкерши.

В коридоре, напротив приемного покоя, сидел неопрятный, сильно помятый мужчина 40 с лишним лет, в испачканной кровью военном бушлате с лычками сержанта, который грязно и неистово ругался на чем свет стоит, явно находясь в серьезном подпитии. Оказалось, что это был мобилизованный на СВО осетин, который, возвращаясь на реабилитацию после ранения в Хабаровск, выпил на вокзале и, как водится, попал под серьезную раздачу: группа озверевших подростков избил и обобрала до нитки этого несчастного ветерана СВО. «Васильевич, что мы будем с ним делать?» - спросила пожилая женщина в белом халате у дежурного врача. «А ничего не будем делать, - ответил мужчина. - Не наш клиент. Отвезем его в военный госпиталь, пускай там с ним и разбираются!»

Наконец-то, очередь дошла и до меня. «Ну, что с вами

приключилось, молодой человек? – с легкой иронией обратилась ко мне уже знакомая пожилая женщина-врач. Я вкратце обрисовал свою непростую ситуацию. «Да, ситуация, прямо скажем, совсем нехорошая. Тем более, что вы оказались с поломанной ногой один в чужом городе, – искренне посочувствовала мне женщина. – Сейчас мы сделаем вам рентген ноги и кардиограмму!» Ко мне прямо на каталке подвезли портативный аппарат рентгена. Сделав несколько рентгеновских снимков, врач подключила мне датчики ЭКГ. «Ну, что я вам могу сказать, Сергей Эдуардович? У вас налицо мерцательная аритмия. На высоте ваша кровь диабетика со стажем поменяла состав и сердце остановилось на какую – то долю секунды. Поэтому вы и потеряли сознание. Самолеты теперь – это не про вас, за километр все самолеты обходите. Я вам точно говорю!» – слова врача сейчас прозвучали для меня, бывалого путешественника, самым настоящим смертным приговором.

«Я – полковник милиции в отставке, пенсионер МВД», – сказал я врачу, когда она закончила возиться с аппаратом ЭКГ. «Что же вы сразу не сказали? – удивилась она. – Тогда вам не к нам. Боюсь, наш контингент бомжей и бывших зеков вам не понравится. Я сейчас же позвоню в ваш госпиталь МВД и за вами приедут». И она пошла звонить в больницу МВД, чтобы пристроить мое брэнное тело. Вскоре врач вернулась. «Ну все, порешали по вам. Скоро за вами приедут. Да и то дело – подобное должно лежать с подобным. С нашим контингентом вы очень быстро здесь останетесь без трусов!» – засмеялась жизнерадостная женщина, видимо, представив себе это, действительно, весьма забавное зрелище. Она, конечно же, права: Богом обиженным уркаганам города Хабаровска в коем-то веке выпал уникальный шанс разделаться с бывшим ментом по полной программе.

Госпиталь МВД находится на улице Павловича, буквально, в двух шагах от краевой клинической больницы, поэтому мой путь туда занял всего около 5 минут. Машина «Скорой помощи» заехала на пандус больницы МВД, и меня с носилок две уже немолодые женщины-медсестры довольно ловко перегрузили на инвалидную коляску. Они завезли меня в приемный покой и тут же поспешно ретировались, сославшись на страшную занятость. Я очень удивился такому безразличному отношению к своим профессиональным обязанностям, видимо, вызванному общей усталостью от довольно непростой жизни и обычной профессиональной деформацией медицинских работников. Пришлось ждать около часа, пока ко мне, наконец, подошла врач приемного покоя больницы МВД.

«Ну что, Сергей Эдуардович, больничный открываем?» - спросила она, подробно ознакомившись с моим незадачливым кейсом. «Конечно, открываем, - сказал я. - Ведь я летел на работу в Хабаровский пограничный институт ФСБ». «Летел и не долетел!» - улыбнулась женщина, склонившись над зеленым формуляром, с которым в дальнейшем у меня возникнут серьезные проблемы, связанные с моим скорым увольнением из системы ФСБ России.

«Сергей Евгеньевич, куда мы положим Воронина?» - обратилась женщина к высокому мужчине 40 с лишним лет, видимо дежурному врачу. «Положим его в 13-ю палату. Там как - раз лежат трое старших офицеров. Две койки свободны», - ответил врач, как я узнал позже, лечащий хирург нашего травматологического отделения.

Меня привезли на коляске в 13-ю палату. Обитатели этой палаты, три старших офицера МВД, с большим интересом стали разглядывать нового постояльца. Один из пациентов 50 с лишним лет, довольно грузный мужчина с перевязанной левой коленкой, Алексей имел очень звучную и почти божественную фамилию - Воскресенский. «Ну что, давайте знакомиться», - сказал Алексей и протянул мне руку. Я пожал его большую ладонь и представился. «О, так я вас помню, Сергей Эдуардович. Вы были у нас преподавателем криминалистики на заочном отделении в Дальневосточном институте МВД в 2006 году!» - воскликнул Алексей, который уже много лет являлся заместителем начальника отдела тылового обеспечения в Хабаровске.

«Однако, мир тесен!» - улыбнулся я, несказанно обрадовавшись тому, что хоть кто-то в этом почти чужом для меня городе оказался знакомым. Второго парня лет 35-37 тоже звали Алексей. Он оказался кадровиком, что вполне объясняло в дальнейшем его неподдельный интерес к моей непростой трудовой биографии и частой смене мест работы в разных городах нашей необъятной матушки России. И, наконец, третьего 30-летнего мужчину в нашей палате звали Александр. Он возглавлял отдел технической связи в ГУВД по Хабаровскому краю.

Компания в нашей палате подобралась, на редкость, удачная. Все ребята, как один, были настроены на одной волне всепобеждающего оптимизма и беспощадной самоиронии, столь необходимых в этих непростых жизненных обстоятельствах. Кадровик Алексей Гончаров (Леша Маленький) даже создал чат 13-й палаты на Ватсапе, где пациенты ежедневно могли обмениваться скудными больничными новостями. Естественно, поначалу меня встретили в палате с некоторой настороженностью: это и понятно - люди реально опасались, что мое неожиданное появление здесь

нарушит хрупкий баланс почти идеальных человеческих взаимоотношений, сложившихся в этих непростых госпитальных условиях. Но, к счастью, все обошлось, и я единогласно был принят в сообщество «страждущих и скорбящих». В дальнейшем я неоднократно убеждался в госпитале МВД, что это единение пациентских душ здесь было, в своем роде, единственным и неповторимым. Появление в палате других пациентов вскоре навсегда разрушит задушевную атмосферу устоявшегося дружного коллектива единомышленников.

Моя ситуация усугублялась еще и тем, что я попал в больницу прямо с борта самолета. Поэтому я не имел ни запасного белья, ни тапочек, ни столь необходимых здесь туалетных принадлежностей. Спасибо Леше Большому: он от души презентовал мне из своего скромного гардероба безразмерные шорты, которые ему привезла из Таиланда дочь. Что касается всего остального, то делать было нечего: я позвонил моей ученице Алене Азаровой в Хабаровский пограничный институт. Она примчалась ко мне после работы, в страшном шоке от прилетевшей новости, я дал ей ключи от моей хабаровской квартиры и, вскоре, мне было доставлено в госпиталь все, что нужно.

Меня привезли в больницу в четверг утром. Среда и четверг в госпитале МВД традиционно являются операционными днями. Поэтому все врачи были заняты в операционной; 4 ноября в понедельник, естественно, был праздничным днем, и до 5 ноября я оказался абсолютно никому не нужным.

Во вторник 5 ноября меня вызвала к себе врач Елизавета Александровна Боглай – симпатичная женщина 35 лет, очень похожая на мою любимую блогершу МотоТаню, трагически погибшую 22 июля 2024 года в Турции. Каково же было мое удивление, когда я узнал от медсестер, что Елизавета также является лихой и абсолютно безбашенной байкершей.

«Сергей Эдуардович, давайте познакомимся. Я – ваш лечащий врач. Будем лечиться вместе, а ситуация у вас, прямо скажем, совсем хреновая. Вы себе сломали в самолете все, что только можно. Перелом обеих лодыжек правой голени со смещением отломков, с разрывом межкостной тибιο-фибулярной и дистальной связок, с подвывихом правой стопы кнаружи. Ситуация еще усугубляется вашим диабетом, который может привести к самым печальным последствиям уже после операции. Поэтому настраивайтесь на длительную борьбу за свою ногу и отнеситесь к лечению максимально серьезно!» Как ты понимаешь, читатель, меня не надо было долго уговаривать и агитировать в данной ситуации, ведь на кон

были поставлены моя правая нога и вся дальнейшая жизнь.

«Сейчас мы проведем вам крайне неприятную процедуру. Мы будем вправлять вам сустав, а затем сделаем новую постоянную лангетку. Вы как переносите наркоз?» - спросила Елизавета. «Да вроде неплохо, если учитывать, что мне никогда его не делали», - улыбнулся я, мысленно готовясь к анонсированной хирургом крайне неприятной процедуре.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы прошли в процедурный кабинет. Елизавета Александровна вызвала врача - анестезиолога. Пришел пожилой мужчина с вечно недовольным лицом, очень так по-будничному сделал мне укол в вену, и вскоре я вновь провалился туда, откуда совсем недавно вернулся в том злополучном рейсе «Новосибирск - Хабаровск».

Очнулся я уже в палате с забинтованной ногой и в новой лангетке. Леша Воскресенский горячо поприветствовал меня и поздравил с боевым крещением. «Ну, ты, Эдуардович, всех удивил, - засмеялся Алексей. - Когда тебя, полусонного, Алена с Оксаной везли из процедурного, ты смеялся и обещал им написать эротический роман про всех врачей и медсестер хабаровской больницы МВД». Оказалось, что накануне операции ребята развернули в нашем госпитале весьма успешную PR-кампанию: дескать, вы живете и даже не подозреваете, что к вам попал самый настоящий писатель, автор мирового бестселлера «Эротические приключения милиционера Антона Федякина».

Лежа сейчас на больничной койке после наркоза, я вновь задумался о роли Бога в жизни обычного человека. «Всемирно известно, что Бог дал человеку свободу воли. Но границы этой воли размыты, нечетки. Поэтому совершенно непонятно, где начинается и где заканчивается воля человека, а где начинается Божественная предопределенность. В классической науке это называют философским детерминизмом. Вот возьмем, например, мою ситуацию. Первый язык, на котором Бог начинает общаться с человеком - это язык простых чисел. Я полетел в командировку в Хабаровск на свою 18 сессию. 18 лет я отработал в Хабаровском пограничном институте ФСБ России. Место в самолете мне досталось тоже «18 Е». В 2024 году я издал в Канаде свой автобиографический роман «Сын Ра». Как известно, Бог Ра имеет код 18 (буква Р - 18-я в русском алфавите). По прибытию в Хабаровск я попал в госпиталь МВД, расположенный по адресу: улица Павловича, 1В. Моя польская бабушка Гелена Викентьевна Соколова, Павлович в девичестве, являлась Заслуженным хирургом РСФСР. «1В» визуально смотрится почти также, как цифра 18. И наконец, хирург Лиза

имеет такое же, довольно редкое имя, как и моя младшая дочь примерно того же возраста», - размышлял я, все больше приходя к выводу о несомненном вмешательстве Всевышнего во всю эту непростую ситуацию. «Да и фамилия Воскресенского, думаю, возникла здесь совсем не случайно!» - продолжал я размышлять над вечным сакральным, глядя на массивную фигуру Большого Леши, который в этот момент щедро раздавал всем пациентам 13-й палаты сладкие турецкие мандарины - очередные вкусные гостинцы, переданные ему сегодня из дома.

Основная операция по ремонту моей ноги была назначена на четверг. Ремонт - это именно то слово, которое наиболее точно описывает характер действий, которые будут производить хирурги над моей несчастной ногой. В среду вечером медсестра Оксана Геннадьевна (молодая симпатичная женщина в возрасте 30 с лишним лет в силу каких-то личных комплексов и амбиций всегда требовала от пациентов называть ее исключительно по имени-отчеству) пригласила меня в процедурный кабинет для очистительной клизмы. Ее делают в обязательном порядке при спинномозговой анестезии, которую решила применить Елизавета Александровна Боглай в моем случае. В противном случае во время операции может случиться крайне неприятный для всех участников казус. Я проворочился перед операцией всю ночь (в голову лезли всякие дурные мысли), но так и не смог заснуть до самого утра.

А утром за мной пришли. Медсестра Алена помогла мне перебраться с кровати на каталку, и мы поехали в операционную. «Сергей Эдуардович, с Богом! Не волнуйтесь: Елизавета Александровна - настоящий хирург от Бога, так что вам очень повезло, что вы попали именно к ней!» - напутствовал меня Леша Маленький, и мне, действительно, стало намного легче от его слов. В операционном зале нас уже ждали. Там были врач Елизавета Александровна, три операционные медсестры и пожилой врач-анестезиолог Дмитрий Александрович. Ни одной знакомой медсестры среди них не было. Это я уже потом узнал, что операционные медсестры - это высшая каста в среднем медицинском персонале. Поэтому их можно увидеть только в операционном зале и нигде больше. Меня посадили на операционном столе, причем мою голову, как заботливая мама, Елизавета положила себе на грудь. Дмитрий Александрович начал делать спинномозговую анестезию. После третьего укола я почувствовал, что теряю сознание. «Все, поплыл!» - только успел сказать я и моментально отключился. В голове возникла очень реальная идиллическая картинка: я

сизу на даче возле пруда, а мои ноги плещутся в ласковой теплой воде. Полная нирвана и блаженство, господи!

Очнулся я уже на операционном столе - операция шла полным ходом. Находясь в трезвом рассудке, я имел уникальную возможность наблюдать всю операцию в режиме онлайн. Звуки, производимые врачами, были похожи на работу столяра-станочника. Поскольку после школьного УПК в Казахстане являлся столяром 2 разряда, я примерно мог угадывать характер действий, производимых с моей ногой. «Вот дрель, - подумал я, услышав характерный звук сверла. - А это похоже на рашпиль или столярный напильник!» Каждый свой наиболее удачный хирургический пассаж Елизавета сопровождала крепким словом, а чтобы подбодрить основательно уставших медсестер она восклицала время от времени: «Ну, ты, Надюша, просто огонь! Как идеально скоба встала! Просто Супер!»

Вся операция длилась около 3 часов, и, конечно же, все порядком устали. Наконец, хирургом были наложены последние швы и меня повезли в палату. В палате меня встретил Леша Воскресенский. «Ну, ты, Сергей Эдуардович - самый настоящий киборг. Мы все после операции целые сутки были вообще никакие, а ты - огурцом, молодцом! Совсем, что ли, боли не чувствуешь?» - удивился он, увидев, как резво я перебрался с каталки на кровать.

Я лежал на больничной койке и размышлял о превратностях своей непростой инвалидной судьбы. Очаровательная медсестра Алена, которую я цепким взглядом матерого ловеласа, конечно же, сразу выделил среди всех медсестер больницы, пришла ко мне ставить очередную капельницу. Во время процедуры я случайно прикоснулся к ее руке. «Гражданин Федякин, немедленно прекратите ваши грязные сексуальные домогательства. Иначе я вас привлеку к ответственности по статье за совращение при исполнении!» - засмеялась Алена, в этот момент неожиданно напомнив мне далекий образ из моей студенческой юности. «Ой, я не хотел, Алена, это совершенно случайно вышло!» - нарочито испуганным голосом пролепетал я, приятно удивившись тому, что девушка уже знакома с моим литературным шедевром. И лицом, и манерой говорить наша прекрасная Аленушка, как две капли, была похожа на девушку моей юношеской мечты по имени Ольга.

Это случилось в далеком 1985 году. Во время летних каникул я почти каждое лето традиционно подрабатывал инструктором по горному туризму на турбазе «Алтай» в славном городе Бийске - туристической Мекке того, еще советского времени. Однажды,

вернувшись из очередного похода, я увидел там очень приятную девушку, похожую на австралийскую певицу Кайли Миноуг, поклонником которой являюсь до настоящего времени, гуляющую в гордом одиночестве в тенистой аллее старых тополей. Что - то неосознанное, очень мощное подтолкнуло меня к ней, заставив подойти к этой девушке. Девушку звали Ольгой и родом она была из Новосибирска, где в 1984 году успешно окончила институт народного хозяйства и была распределена в отдел кадров барнаульской швейной фабрики «Авангард». Завтра у нее заканчивалась путевка, и она уезжала в Барнаул. Целый вечер мы гуляли с Олей и весело, непринужденно общались. Оля была чрезвычайно приятным собеседником и сразу же мне понравилась. Но черт меня дернул, однако, взять ее домашний адрес, который она сунула мне на следующее утро прямо в руку, садясь на рейсовый автобус до Барнаула.

Приехав в августе 1985 года в Барнаул, я первым делом побежал к Ольге. Она встретила меня более чем прохладно, объяснив это следующим: ей предстоял болезненный разрыв с молодым человеком, с которым ее связывали двухлетние близкие отношения. С моей помощью, то есть человека, к которому у нее внезапно вспыхнули такие сильные и нежные чувства, она надеялась, что этот разрыв пройдет более - менее спокойно. После этих слов, дорогой читатель, мне следовало тут же развернуться и уйти резвым барнаульским скороходом - ведь очевидно же, совершенно понятно было, что меня втягивают в очень нехорошую историю, самого превращая в жертву непонятной бабской интрижки.

«Понимаешь, Володя - человек хороший, в нем очень много всего, чего-то недосказанного, - объяснила она причину предстоящего разрыва. - Но я слишком долго ждала от него нужных слов, ждала, когда он, наконец, решится!» Не трудно было догадаться, каких именно слов ждала Ольга от несчастного Володи - предложения руки и сердца. Но парня, по-видимому, что-то удерживало от этого шага, но что? Это и предстояло мне вскоре выяснить на собственной шкуре.

С большим трудом нам с Ольгой удалось, наконец, избавиться от этого навязчивого ухажера, который, к моему удивлению, оказался довольно начитанным и образованным молодым человеком, являясь при этом высококвалифицированным токарем на Барнаульском котельном заводе. Володя при нашей последней встрече явно хотел о чем-то меня предупредить, но природный джентльмен, все-таки, одержал над ним верх, и он деликатно промолчал в этой совсем непростой ситуации.

А зря! Я бы обязательно прислушался к его словам. Теперь я это знаю наверняка, читатель!

Ну, а у нас, друзья, с этого момента с Оленькой начался самый настоящий медовый месяц. До сих пор в моей памяти стоят очаровательные картины алтайского бабьего лета. На живописных обских пляжах, наполненных теплом и приглушенным матовым светом, как на картинах знаменитых фламандских мастеров, мы проводили с ней практически все свое свободное время. Затем наступили холода, и мы перебрались в ее уютное гнездышко на улице Юрина. Там мы еще долго никак не могли насытиться друг другом, живя как в последний раз. Но в какой-то момент в эту бочку меда, все-таки, попала ложка дегтя. Да еще какая, ну очень большая ложка!

Однажды всех работниц барнаульской швейной фабрики «Авангард» отправили на сбор урожая в соседний совхоз. Полным составом поехала и Оля со своим отделом кадров. Через 2 недели она вернулась. Ее, как-будто, подменили. Она стала рассеянной, практически не реагировала на мои шутки и была слегка раздраженной. Я начал что-то подозревать и спросил ее напрямик, в свойственной мне манере: «Оленька, у тебя кто-то появился?» Она смутилась, немного подумала и сказала: «Да, Сережа, я встретила человека. Он – агроном, 27 лет. Приглашает меня жить к себе!»

От этих слов мне стало нехорошо. «Ну что же, Оля, бывает. Жизнь есть жизнь. Ну и что ты решила?» - спросил я. «Я еще ничего не решила. Все это произошло так стремительно, что я до сих пор не могу опомниться!» Я промолчал, твердо решив, что буду бороться за свою женщину до конца. Для достижения этой заветной цели я включил свой интеллект на полную катушку. Зная, что моя девушка является артистической натурой, я решил ее удивить. И помочь мне должны в этом деле мои верные друзья на юридическом факультете: Коля Макеев, Олег Коробков и Юра Корчак.

Суть замысла состояла в следующем: Олег и Юра уже видели Ольгу на турбазе «Алтай», поскольку вместе со мной работали инструкторами по горному туризму. Но знакомство это было шапочным, сиюминутным и, вряд ли, врезалось им в память. Кроме того, я уже два месяца тщательно скрывал нашу связь от своих друзей, так что появление Оленьки на их горизонте будет полной неожиданностью. Ознакомившись с моим планом, Оля пришла в неопикуемый восторг. «Ай да Сережа! Вот так придумал! Представляю, какие у них будут лица, когда это все откроется. А чтобы они меня точно не узнали, я сделаю себе жесткий макияж. Уверю тебя,

что женщина может изменить себя до неузнаваемости!» - радостно восклицала девушка, заливаясь веселым смехом. Наш план был таков: Оля с подругой заранее придут в ресторан «Центральный», предварительно забронировав столик. Затем в этот же ресторан подгребем и мы с друзьями. Ну а дальше – полнейшая импровизация.

В назначенный день я предложил моим друзьям отметить окончание учебы на 5 курсе университета и начало стажировки в органах милиции в ресторане «Центральный». Их, как и ожидалось, не пришлось долго уговаривать, поскольку этот ресторан уже давно стал нашим излюбленным местом для веселых студенческих пирушек. Мы пришли в ресторан около 7 часов вечера. Я окинул взглядом зал ресторана, увидел Ольгу и ее пышнотелую подругу. Все шло по плану. Мы сделали заказ и стали дожидаться музыкантов, которые уже пришли и настраивали аппаратуру. И грянула музыка: конечно же, модная в то время группа «Воскресение» с ее бессмертным хитом «Ветерок». Затем зазвучал «Мой друг художник и поэт», и кавалеры ринулись приглашать дам на медленный танец. Коля Макеев, как водится, не остался в стороне от этого увлекательного процесса и вскоре, к моему изумлению, он уже держал мою Оленьку за талию, кружа ее в медленном танце.

После танца счастливый Макеша вернулся к нашему столику уже с готовым охотничьим трофеем. «Друзья, хочу представить вам двух прекрасных девушек – Олю и Галю. Они любезно согласились скоротать с нами вечер в ресторане!» - торжественно объявил Коля, чувствуя себя победителем программы «Поле чудес» как минимум и «Как стать миллионером» как максимум. Я посмотрел на покрасневшую Олю: «Да, под таким толстым слоем макияжа, пожалуй, и я не смог бы ее узнать; тем более в приглушенном свете ресторана!». Однако, я явно недооценил моих друзей Олега и Юру. Первым от летаргического сна очнулся Олег. Он вызвал меня в туалетную комнату и таинственным голосом прошептал: «Сергея, а тебе не кажется, что одна девушка очень похожа на Ольгу с турбазы?» «Да ну, что ты, Олеж. И близко не похожа!» - как можно более равнодушным тоном сказал я. Олег только пожал плечами и, покачиваясь от выпитого вина, пошел в зал. Пришла очередь Юры Корчака. «Слушай, Сергей, а ведь – это Ольга, по-моему. Ну, та, что с Бийска?» - хитро прищурившись спросил он, явно заподозрив что-то неладное. Я, как мог, успокоил и его. Но вот тревогу Оли я никак не мог проигнорировать.

Дело в том, что Коля изрядно захмелел от коньяка и стал откровенно приставать к моей девушке. «Еще немного, и твой друг полезет ко мне в трусы!» - с негодованием пожаловалась

мне Оля, и я понял, что, наконец, настал момент для прекращения этого театра абсурда. «Друзья, вот и настал момент для сеанса разоблачения, - торжественно произнес я. - Хочу вам представить мою Оленьку!» «Ну, ты и козел!» - разочарованно произнес Коля, которому сегодня обломали так увлекательно начавшееся веселое эротическое приключение. «А я знал, что это - Ольга! - воскликнул Корчак. - Ну, ты, Воронин, даешь. Чуть свою девушку под Макея не уложил!» И настал момент всеобщего веселья. Мы еще долго обсуждали это веселое приключение, а затем всей гурьбой отправились в мое холостяцкое бунгало на Потоке, где продолжили пирушку. Так закончился этот прекрасный вечер дружбы, озорства и невиданного доселе лицедейства. Так закончился, пожалуй, самый счастливый период в моей студенческой жизни.

Уже на следующий день Оля в последний раз пришла ко мне с ночевкой. Мы просто поспали с ней рядышком на диване, поскольку она была явно не в духе. А утром девушка заявила с грустью: «Сережа, я, пожалуй, исчезну на несколько дней. Так надо. Но не теряй меня!» Я понял, что сейчас, именно в этот самый момент она прощается со мной раз и навсегда. Больше Ольга никогда ко мне не приходила. Впрочем, однажды я, все же, увидел ее, гуляя холодным ноябрьским утром по Ленинскому проспекту. Увидел мою Олю в компании с высоким красивым брюнетом, по-видимому, тем самым агрономом из злополучного совхоза. Они шли в обнимку, о чем-то увлеченно разговаривая, и даже не заметили меня на расстоянии всего десяти шагов.

«Все, мы закончили капельницу на сегодня», - наша очаровательная медсестра Алена вновь вернула меня в суровую больничную реальность из волшебного мира грез и грустных воспоминаний. Почему грустных, - спросишь ты, читатель? Да потому что, когда тебе 60 лет, все, что связано с нашим детством и юностью, неизменно вызывает легкую грусть. Это - приятная грусть, дорогой читатель, но всегда связанная с ностальгическим ощущением уже почти прожитой жизни.

Но печальная история с Оленькой из города Новосибирска на этом не закончилась. В октябре 1986 года начался осенний призыв в Советскую Армию. Я получил повестку, пришел военкомат и прошел призывную комиссию. Меня даже побрили наголо, забрали паспорт, и тут что-то у военкомата не срослось. Меня должны были забрать в армию 26 октября, но по факту забрали только 11 ноября 1986 года. Все это время я бесцельно слонялся по Барнаулу без денег, документов и

желания чем-либо заняться в оставшееся время свободной гражданской жизни. Однажды ноги меня сами привели к общежитию на улице Юрина, где проживала моя Оленька. Вдруг страшно захотелось попрощаться с ней до ухода в армию. И тут случилось странное. Я перепутал здание общежития.

Дело в том, что на улице Юрина находятся 4 заводских пятиэтажных общежития под номерами 186, 188, 190 и 192. Ольга проживала в третьем общежитии под номером 190. И какого ляда я тогда забрел в четвертую крайнюю общагу под номером 192, я до сих пор не понимаю. Поднялся на 3 этаж и постучал в знакомую дверь под номером 25. Неожиданно для меня открыла дверь высокая красивая брюнетка, которая с большим интересом стала разглядывать незнакомого лысого проходимца. «Вам кого?» - спросила она. «А мне нужна Ольга», - сказал я. «Я и есть Ольга!» - удивилась девушка. «А где та, другая Ольга?» - теперь пришло время удивляться мне. «Да вообще-то я здесь живу с сыном Максимом, причем всю жизнь!» - уже слегка раздраженно произнесла девушка, открывая для меня дверь и как-бы приглашая в свою комнату. - Может быть, все-таки, пройдете внутрь, и мы разберемся, какая Ольга вам нужна!» Не долго думая, я вошел в комнату общежития.

Помещение общежитской комнаты Ольги было основательно переделано какими-то народными умельцами под довольно приличное малосемейное жилье. По сути, вся секция общежития вдруг чудесным образом превратилась в обычную двухкомнатную квартиру с удобствами в виде совмещенного санузла и небольшой кухни. Скромная обстановка и изрядно пошарпанная мебель говорили о том, что здесь явно проживает мать-одиночка. «Ну, так какую Ольгу ты искал?» - неожиданно перейдя на «ты» игриво спросила девушка. «Истому Ольгу, инженера по технике безопасности со швейной фабрики «Авангард», - ответил я, сильно смущаясь под ее пристальным и, как мне тогда показалось, голодным взглядом волчицы. «Не знаю такой. Наверное, ты перепутал общагу. Они у нас как близнецы-братья!» - засмеялась Ольга. Я решил брать быка за рога. «Я хотел сказать ей, что скоро ухожу в армию, а заодно и попрощаться!» - сказал я, всем своим видом показывая, что собираюсь уйти, и как можно скорее, из этой неловкой ситуации. «Для начала, давай познакомимся, - улыбнулась девушка. - И знаешь, Сергей, сегодня ты очень удачно зашел ко мне. У меня, как - раз, выходной в нашем музыкальном театре. Так что мы можем проводить тебя в армию, даже с особой помпой. И не хуже твоей Ольги, я думаю!» Эта идея мне показалась в тот момент очень даже заманчивой. Во всяком

случае, это было гораздо интереснее, чем бесцельно бродить по улицам холодного осеннего Барнаула без денег и документов. По такому случаю Ольга извлекла из своих сокровенных запасов бутылку армянского коньяка, который, видимо, бережно хранила для особого случая. И, по мнению молодой женщины, такой случай сейчас наступил!

За бутылочкой добротного коньяка и приятной беседой наш день пролетел совершенно незаметно. Наступил вечер. «Сережа, я думаю, что для чудесного и логического завершения нашего прекрасного вечера тебе надо остаться у меня на ночь!» - игриво и очень так возбуждающе прошептала Оля, и я, как ты понимаешь, дорогой читатель, не стал долго возражать ей и сопротивляться. Оказалось, что Оля была не только талантливым хореографом в Алтайском театре музыкальной комедии, но и необыкновенно талантливой женщиной в любовных утехах. В общем, за свою короткую мужскую жизнь я еще не встречал таких страстных, таких темпераментных женщин. Это была настоящая женщина - вамп, про которую говорят в народе: «Женщина - ну просто огонь!»

«Ну вот, теперь тебе в армии точно будет, что вспомнить в карауле!» - засмеялась девушка после очередной волны любовного угара. Сколько этих волн сегодня прошло за ночь - я уже сбился со счета. «Это точно!» - подумал я, улыбнувшись в ответ этой щедрой, абсолютно бескорыстной девушке, которая, невзирая на все общественные приличия и условности, сегодня просто взяла и осчастливила совершенно незнакомого ей советского солдата.

Когда 1 июня 1988 года пришел, наконец, мой долгожданный Дедушка Дембель, я уже точно знал, куда пойду в Барнауле на следующее утро 2 июня. Ноги, как - будто, сами тогда понесли меня на улицу Юрина к тому самому заветному общежитию. К нашей обоюдной радости, встреча получилась такой же страстной и такой же нежной, как - будто я ушел из дома только вчера, а сегодня уже вернулся. Тогда мне это показалось очень удивительным и странным, читатель - ведь я не написал Ольге за всю армию ни одного убогого солдатского письма.[2]

И у нас начался самый настоящий «медовый месяц» вечно голодного дембеля. Мы занимались любовью почти все ночи напролет - неистово, как ненасытные любовники - эротоманы. На все это похотливое время Оля заранее отправила 5-летнего сынишку Максима к своей маме. Мы просыпались около 10 утра, занимались любовью, завтракали и снова занимались любовью, проделывая на кровати такие запредельные кульбиты,

от которых даже такая выдавшая виды дама Камасутра лишь стыдливо отворачивалась. Затем с небольшой поклажей для пикника мы, безгранично довольные собой, отправлялись гулять в дендрарий – предмет особой гордости барнаульцев, расположенный в нагорной части города.

Дендрарий города Барнаула – это самое настоящее рукотворное чудо, созданное алтайскими ботаниками под руководством выдающегося советского ученого – селекционера, академика Лисавенко Михаила Афанасьевича в далеком 1953 году. Академик в течение многих лет подбирал морозоустойчивые сорта деревьев, которые вначале рассадил на территории Горного Алтая, а затем привез и адаптировал к суровым сибирским условиям в барнаульском дендрарии. На сегодня в нашем дендрарии уже собрана уникальная коллекция сортов деревьев, гибридов и кустарников. И до сих пор дендрарий имени академика Лисавенко – это самое любимое место отдыха всех горожан и гостей города Барнаула. Особенно прекрасен дендрарий осенью, когда буйство красок увядающей природы просто ошеломляет и кружит голову своей нереальной, фантастической красотой. Именно сюда, дорогой читатель, и зачастили мы с Оленькой на крыльях нашей любви.

Для пикника мы облюбовали самый живописный уголок, расположенный посреди голубых елей и зарослей вечнозеленой западной туи на высоком берегу Оби. Вид с этого утеса открывался просто обалденный! Глубоко внизу очень так вальяжно не спеша несла свои мутные воды величественная Обь. На правом берегу реки, в аккурат напротив здания речного порта, какие-то загулявшие рыбаки возле обшарпанных палаток устроили импровизированный пикник. Их пьяные голоса река доносила даже сюда наверх. Они с надрывом пели про странный подвиг Стеньки Разина, который в пьяном угаре взял и утопил в Волге свою возлюбленную княжну на потеху этим донским казакам – разбойникам, и еще: «чтобы не было раздора между вольными людьми». Я не мог понять этого безумного действия Степана Разина не в юности, не, тем более, сейчас. Только сейчас, в свои 60 лет, пришел к окончательному и бесповоротному выводу, что речь в данном конкретном случае идет о тяжелой форме психиатрии – так называемой психопатии возбудимого круга. И напрасно наш великий оперный певец Федор Шаляпин в своих мемуарах восхищался этим неадекватным поступком Степана, называя обычный психопатический концерт больного на всю голову человека «русским куражом».

Неожиданно на горизонте появилась небольшая грозовая тучка, но она нас не сильно встревожила тогда. Стоял жаркий июль, и перспектива быть облитым дождем нас совершенно не пугала.

И напрасно, читатель! То, что полилось откуда – то сверху было настолько холодным и неприятным, что мы бросились наутек, не разбирая дороги в насквозь пропитанном влагой лесу. В общем, до трамвая мы добежали уже совершенно мокрыми, так что в вагоне с нас холодными струйками начала обильно стекать дождевая вода, образуя под нами, к большому негодованию вконец рассерженного кондуктора, две аккуратные лужицы на грязном полу. Приехав домой, мы тут же ринулись в душ: обнимаясь, еще долго стояли под струями теплой воды, ощущая ни с чем не сравнимое блаженство во всем теле. Потом еще долго вдвоем мы не могли согреться под толстым верблюжьим одеялом, после чего, наконец, заснули – отнюдь не праведным сном сытых и весьма довольных собой любовников.

Два месяца нашего знойного романа пролетели совершенно незаметно. Наступил холодный дождливый август, а вместе с ним и неожиданная для всех участников драматическая развязка наших не совсем простых романтических отношений. С утра, как обычно, по телефону мы договорились с Ольгой о встрече. День был как день, и ничего не предвещало каких-либо неприятностей. Однако подойдя к знакомой двери общежития, на этот раз я почувствовал непонятную тревогу. И предчувствие меня не обмануло, дорогой читатель.

Я толкнул дверь ногой – она оказалась не запертой. За дверью меня ждала безрадостная и крайне непривлекательная картина. В квартире повсюду царил полный бедлам. Посреди этого бытового хаоса за столом, заваленным объедками с наполовину выпитой бутылкой водки, восседал грузный мужчина 40 с лишним лет, который, судя по его татуировкам и характерному чифирному цвету лица, был знаком с советской пенитенциарной системой не понаслышке. Ольги нигде не было видно. «Сергей? – спросил мужчина. – Ну, проходи. Давай знакомиться. Анатолий!» И он протянул мне широкую, как саперная лопата, ладонь. «А где Ольга?» – спросил я, сделав вид, что не заметил его руку. «Не волнуйся, Сережа. Она в ванной. У нас тут произошла небольшая ссора. Дело в том, что я – старинный друг Оли. Она была свидетельницей на моей свадьбе. Я тут недавно освободился из колонии УБ -!4/1. Знаешь такую?» – спросил Анатолий. «Знаю, на Потоке находится. Колония общего режима под названием «Шинка», – раздраженно ответил я, которого все происходящее здесь уже начало доставать. «О, да ты, я вижу, в теме, парень! Ну, давай, проходи к столу, давай выпьем за знакомство!» – воскликнул Толик, приглашая меня сесть вместе с ним за стол. Я молча

направился к ванной. Оттуда раздавались всхлипы Ольги. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что здесь произошло. Старинный друг семьи Ольги Толик за какое-то преступление загремел в тюрьму. По отбытию срока, видимо, остался без жены. Бесцельно слоняясь, как и я в свое время по Барнаулу, он забрел, наконец, в общагу Ольги. Ольга, как водится, искренне обрадовалась старому другу, пригласила его за стол и сказала, что хочет познакомить Толика со мной. Они выпили, в какой-то момент мужчина сильно распалился и не смог сдержать себя. Он повалил девушку на кровать, и, несмотря на ее обильные месячные, изнасиловал. Странно, но в этот момент я даже почувствовал какое-то облегчение на душе. В последнее время меня уже начали тяготить наши отношения, а тут, как говорится, появился идеальный повод, наконец-то, закончить всю эту пошлость.

Пока мы говорили с Анатолием, Ольга прошмыгнула из ванной комнаты и легла в кровать. Она продолжала плакать, отвернувшись к стене. Я сел на кровать возле нее. «Что случилось, Оля?» - спросил я. «Сережа, он сделал со мной все, что только захотел!» - с новой силой зарыдала девушка, вновь переживая нанесенную ей обиду. «Понятно. Если хочешь, мы можем его посадить - всерьез и надолго!» «Нет, я не хочу этого. Он был очень хорошим другом нашей семьи до недавнего времени. Потом у него в семье произошла беда - его жена, моя лучшая подруга, загуляла с любовником. Он, конечно, слегка побил ее (слегка, потому что очень любил), за что она тут же написала на него заявление об истязании. В итоге его посадили на год в тюрьму!» Да, дорогой читатель, налицо была тривиальная история домашнего насилия по-советски. На то время это была самая ходовая 113 статья Уголовного Кодекса РСФСР «Истязание», предусматривающая наказание до 1 года лишения свободы. И советские женщины, будущие феминистки, активно пользовались этой статьей, избавляясь, таким образом, от изрядно опостылевших им мужей. «Вот что, Сережа, раздевайся и ложись ко мне!» - почти приказным тоном сквозь слезы сказала Оля. Я решил, что больше мне здесь делать нечего. И ушел. Ушел по-английски, не прощаясь, тихо затворив за собой дверь и забрав из серванта свою армейскую фотографию, которую недавно подписал на память Ольге. Как говорится, мавр сделал свое дело, мавр может уходить!

«Больной Воронин, к вам пришел посетитель!» - противный голос - стеклорез медсестры Людмилы вновь вернул меня в суровую реальность хабаровской больницы МВД. Я встал на костыли и уныло побрел на первый этаж, уже догадываясь, кто

это ко мне пришел. Правильно, читатель - это был мой начальник Дмитрий Киселев. Увидев меня на костылях, он изобразил фальшивую радость на лице и весело произнес: «Сергей Эдуардович, вы сейчас очень похожи на главного героя из фильма «Как Витька Чеснок вез Леху Штыря в дом инвалидов». И он заржал, как конь, на весь вестибюль больницы. «Я принес вам гостинцы от нашей кафедры: фрукты, орехи, мед и гранатовый сок. Но главное, к сожалению, не это: я принес вам неприятное известие. Генерал Сидоров вчера принял решение не продлевать вам контракт 22 ноября 2024 года. Поэтому вам сейчас надо написать заявление на увольнение от 21 ноября, Сергей Эдуардович!»

Эта новость от веселых пограничников неприятно удивила меня - крайне удивило их ничем не прикрытое вероломство после моих 18 лет добросовестного труда на ниве ведомственной науки и образования. Эти козлы из пограничного института даже не стали ради приличия дожидаться моей выписки из больницы, а приперлись с заявлением на увольнение уже на второй день после операции. Я молча написал заявление на увольнение, взял подарки и, довольно сухо попрощавшись с Киселевым, проковылял обратно в свою палату.

Это событие тогда натолкнуло меня на очередные философские размышления о природе власти и моих непростых взаимоотношениях с ее отдельными представителями.

Недавно, разбирая наши семейные архивы, я с большой радостью обнаружил свой давно утерянный солдатский блокнот 1987 года. Начал его перелистывать и натолкнулся на любопытную дневниковую запись: «Находясь здесь, в армии, я все время ловлю себя на мысли, что все это происходит не со мной. Я вижу себя как бы сверху и с холодным любопытством эксперта - психоаналитика наблюдаю за своими недавно приобретенными солдатскими рефлексам. Куда подевался этот рафинированный интеллигент - студент университета и незаменимый тапер народного театра имени комиссара Мегрэ? Сейчас, к сожалению, мы наблюдаем лишь очередное солдатское быдло. От веселого озорного студентика Сережи не осталось и следа!» А дальше шли убийственные характеристики и довольно обидные прозвища - «погоняла», которые я дал почти всем моим военачальникам в бийском артиллерийском дивизионе - в стиле большого проказника Егора Дмитрича Глумова из гениальной пьесы Александра Николаевича Островского «На всякого мудреца довольно простоты»:

1. «Кастрат» - командир нашего дивизиона майор Бухтеев.

2. «Педрила» - начальник штаба майор Скоробогатов.
3. «Синяк» - командир огневого взвода капитан Наплеков.
4. «Еблан» - заместитель командира дивизиона майор Широков.
5. «Уебище» - начальник службы тылового обеспечения майор Черкасов.

Все эти «погоняла» или «погремухи» красноречиво говорили о том, что я в тот момент не испытывал абсолютно никакого пиетета к своим непосредственным начальникам в армии. Только сейчас, лежа на больничной койке, я, наконец, осознал, что, в общем – то, никогда не любил власть и всегда относился к ее представителям с плохо скрываемым презрением.

Первым мое нигилистское отношение к власти почувствовал генерал Соловьев Владимир Михайлович. Он пришел к нам в Барнаульский юридический институт МВД России начальником в конце 1998 года, и моя счастливая жизнь начальника кафедры уголовного процесса на этом закончилась. Соловьев с первого же взгляда, после первого же посещения нашей кафедры, возненавидел меня лютой ненавистью. Вначале это была латентная ненависть на каком-то зверином уровне - абсолютно немотивированная и поэтому не поддающаяся никакому рациональному объяснению. А вскоре нашелся и прекрасный повод для уже открытой ненависти к моей персоне. А дело было так.

В декабре 1997 года я вплотную приступил к работе над докторской диссертацией по криминалистике. Однако кафедральная повседневная рутина заедала и мешала сосредоточиться на научном исследовании. Поэтому однажды я твердо решил для себя, что пора завязывать с руководством кафедры. Нужна была достойная замена. Мой выбор пал тогда на моего заместителя подполковника милиции Массольда Ивана Ивановича. Его немецкая педантичность и крестьянская хватка уже помогла вывести до этого фактически умирающую кафедру на лидирующие позиции в институте. А тут еще и удачный случай представился. Генерал Соловьев изъявил желание познакомиться с сотрудниками кафедры уголовного процесса. Во время встречи я прямо признался ему о своем желании освободить должность начальника кафедры в связи с научной работой и предложил кандидатуру Массольда. На лице Соловьева промелькнула несомненная радость от такой неожиданной новости, но он тут же постарался скрыть это от нас. «Ну, что же, Сергей Эдуардович, одобряю. Наука у нас, безусловно, в особом приоритете. Так что спокойно занимайтесь своей докторской диссертацией. А кандидатуру Массольда Ивана Ивановича мы рассмотрим вместе с

начальником отдела кадров. О своем решении мы вас известим!» На том и порешили. Кафедральная жизнь шла своим чередом и ничего не предвещало каких-либо потрясений. Но однажды это, все-таки, случилось!

Как-то раз, в конце января я пришел, как обычно, на занятия в субботний день. Когда я открыл дверь в наш с Массольдом кабинет, меня чуть не сдуло ветром. Оказалось, что окно в моем кабинете напрочь разбито, причем отсутствовали оба стекла в раме. Через огромную дыру в кабинет ветром заносило большие хлопья снега, которые, как в каком-то сюрреалистическом фильме, медленно кружились в воздухе и падали на стол Массольда. Самого хозяина стола в кабинете не было – он был еще на занятиях. А вскоре появился и сам виновник торжества. «Слушай, Эдуардович, моя дура тут такой концерт устроила по заявкам. Пришла разбираться со Светкой Симоновой. Никого не нашла, а в меня со злости запустила кружку с чаем. Я только успел увернуться (в голову метила, падла!), кружка улетела через стекло на улицу. Слава Богу, никого не оказалось под окном в этот момент. Убила бы, тварь, как пить дать!» - возбужденно рассказывал Иван, холерически размахивая руками. Ну вот, теперь суду все было ясно.

Дело в том, что Массольд в октябре 1998 года закрутил знойный роман с очаровательной миниатюрной брюнеткой Светланой Симоновой, которая училась на 4 курсе заочного факультета. Вначале все это развивалось как небольшая интрижка учителя и ученицы, но потом, неожиданно для всех участников действия, обычная ролевая игра переросла в серьезные чувства и отношения. Жена Массольда, вовремя почуввав неладное, решила пресечь все это безобразие на корню, проследила за мужем и пришла в институт на жесткие разборки. Не обнаружив коварной разлучницы, с досады, как водится в таких случаях, она от души саданула кружкой по стеклу и была такова. Казалось, что инцидент был на этом исчерпан. Но нет, дорогой читатель, мы глубоко заблуждались. Не знали мы тогда и не могли знать, что самое интересное у нас еще впереди!

Понедельник с утра нас ждало новое феерическое шоу с участием благоверной Массольда. С раннего утра женщина вместе с двумя детьми и канистрой с бензином пришла в главный корпус института и расположилась напротив кабинета генерала Соловьева. К ней был направлен главный переговорщик института подполковник Улитин – начальник воспитательного отдела, прибывший к нам из уголовно-

исполнительной системы. Алла Массольд предъявила свои требования: пускай ее муж вернет ей деньги в размере 200 тысяч евро, которые они совместно с Иваном скопили на образование детей. В противном случае немедленно, тут же, она совершит акт самосожжения. Соловьев срочно послал за Массольдом на кафедру, но тот, как назло, куда-то сдриснул. В конце концов, женщину удалось кое-как успокоить. Но ящик Пандоры уже фатально открылся и из него, к изумлению публики, посыпались многочисленные скелеты Ивана Ивановича Массольда.

Была проведена служебная проверка, которая повергла всех проверяющих в настоящий шок. Оказалось, что наш Ваня уже долгое время являлся самым настоящим подпольным миллионером Корейко. Улитин, который по приказу Соловьева посетил квартиру Массольда, вернулся оттуда совершенно подавленным. Зайдя в кабинет Соловьева с докладом, он только и смог, что устало опустился на стул и тихо произнес: «Владимир Михайлович, я такого богатства не видел нигде, за всю жизнь! Это – самая настоящая пещера Али-Бабы!» Предприимчивый Иван Иванович Массольд по всему Барнаулу развернул широкую сеть ростовщичества. Он давал ссуды физическим лицам под бешенный процент, а в залог от них брал предметы роскоши, бытовую технику, золото и драгоценные камни.

Деньги, которые Иван взял у жены в отместку за произведенный скандал в институте, он в скором времени, конечно же, вернул своей благоверной, и они, как водится, помирились в тот же день. Массольд практически тут же уволился из МВД, и в скором времени вся эта дружная семейка эмигрировала в Германию, где они живут и по сей день. На заработанные в России деньги Массольды купили в Германии 2 классные пиццерии (по-моему, вполне себе процветают и сейчас), дети получили высшее образование в Японии, а сын Массольда Иоганн даже женился на очаровательной японочке, которая ему недавно родила девочку. Сплошной Хэппи-энд, читатель, но не для меня!

После этого трагикомического события в отношении меня генерал Соловьев объявил самый настоящий террор. «Воронин, ты меня подставил. Массольд – это была твоя кандидатура! – почти в истерике кричал генерал. – Пригрел на кафедре вора и мошенника!» «Я вижу, вы хотите, чтобы я уволился? Не вопрос, легко! Хоть сейчас!» - как можно более спокойным тоном отвечал я сумасшедшему чинуше. «Да ты у меня по миру пойдешь, вместе с семьей. Я сделаю так, что тебя никто

никогда не возьмет на работу. Твоя семья сдохнет с голоду!» - никак не унимался этот еблан. Мне надоело слушать его бредни, я развернулся и быстрым шагом вышел из кабинета. На улице меня еще долго потряхивало, но вскоре я взял в себя в руки, немного успокоился и пошел домой, специально выбрав самый длинный маршрут через наш замечательный зимний парк. Удивительно, но этот пируэт с эффектным выходом из кабинета Соловьева я повторю ровно через 3 года. Повторю, чтобы больше никогда сюда не возвращаться - к этому совершенно безумному диктатору и сумасброду.

В декабре 1999 года в Барнаульском юридическом институте МВД России появился замечательный человек, который круто изменил мою жизнь. Из Уфы для дальнейшего прохождения службы на должности заместителя начальника института по научной работе прибыл полковник Абызов Равиль Михайлович. Мой покойный папа всегда с большим уважением относился к татарам. Это повелось еще с 50-х годов прошлого столетия, когда отец учился на юриста в Казанском государственном университете. «Татары – это умнейший народ, Сережа. Вторая титульная нация России. Держись всегда рядом с татарами, и они тебя никогда не подведут. Очень благодарный народ!» С Равилем Михайловичем Абызовым произошла именно такая красивая татарская история. Разглядев мой научный потенциал и узнав, что моя докторская на 2/3 уже написана, он, вопреки генералу Соловьеву, добился, чтобы мне предоставили творческий отпуск в нашем институте.

Этот оплачиваемый государством отпуск на 6 месяцев специально предоставляется ученым для окончания работы над докторской диссертацией. И начался один из самых счастливых периодов в моей жизни. Я был не клят, не мят, занимался любимым делом, а мне еще за это государство полгода платило неплохие деньги. Я ушел в отпуск в январе 2000 года, а уже в июне 2001 года вышел на защиту докторской диссертации в городе Екатеринбурге в Уральской юридической академии. Удивительно, но весь период работы над фолиантом объемом в 500 страниц занял у меня всего 2 года, если не считать подготовительный период по сбору эмпирического материала с декабря 1997 года. Для сравнения: работа над кандидатской диссертацией продолжалась ровно 5 лет.

Надо было видеть обескураженную рожу Соловьева, когда я вернулся из Екатеринбурга победителем. Деваться ему было некуда и он, скрепя сердце, на общем институтском построении присвоил мне, все-таки, внеочередное звание подполковника внутренней службы (так было положено по закону), Ну а потом,

читатель, начался очередной виток моего противостояния с генералом – мы с ним опять закусились не на жизнь, а на смерть. Владимир Михайлович реально взбесился. Каждый ученый совет превращался в настоящее аутодафе. Он каждый раз поднимал меня на расширенном совете БЮИ МВД РФ и задавал один и тот же риторический вопрос: «А что сделал профессор Воронин для институтской науки? И где ваш диплом доктора, позвольте спросить?» Это он ударял в мое самое больное место. Действительно, уже прошло больше года, а известий о моем дипломе из ВАК России все не было и не было. Я начал заметно нервничать, Соловьев увидел это и выбрал самую эффективную тактику постоянного жесткого троллинга этого неудачника - несостоявшегося доктора юридических наук. Я успокаивал себя тем, что, как только получу диплом, пошлю этого маразматика в генеральских лампадах ко всем чертям. И этот час пробил!

В декабре 2002 года профессор Прошляков Алексей Дмитриевич, прибывший к нам из Екатеринбурга на ежегодную научно-практическую конференцию, привез, наконец-то, мой долгожданный диплом доктора юридических наук. А буквально на следующий день ко мне на городской телефон позвонил начальник Сибирского юридического института МВД России в Красноярске генерал Горобцов Владимир Ильич. «Сергей Эдуардович, добрый день! Я знаю, что вы недавно получили диплом доктора. Как вы рассматриваете перспективу переезда в Красноярск со всей вашей семьей? Четырехкомнатную квартиру в собственность в течение месяца гарантирую!» «Спасибо, Владимир Ильич! Очень заманчивое предложение. Но у меня встречное условие. Моя жена сейчас работает помощником прокурора в Барнауле. Ей нужна равноценная должность в Красноярске», - заявил я свое условие для перевода на новое место службы. «Не вопрос! Прокурор края Саша Гринь – мой друг и однокурсник в Уральской юридической академии. Сделаем!» - сказал Горобцов, и мы договорились о моем тайном визите в Красноярск на предстоящие новогодние праздники.

Я весьма удачно в начале января 2003 года съездил в Красноярск, познакомился с руководством Сибирского юридического института МВД России, и, удовлетворенный поездкой, вернулся обратно в Барнаул. На следующий день написал рапорт о переводе и зарегистрировал его в секретариате института. Что тут началось, читатель! Соловьев рвал и метал. «Да я его сгною, этого черта Воронина! Полгода задарма жрал наш хлеб. Я ему присвоил досрочно подполковника, а он взял и кинул нас, бросил прямо накануне комплексной проверки министерства!» - орал как полоумный Соловьев,

в истерике разбрасывая канцелярские принадлежности по своему столу в кабинете. Он порвал мой рапорт и дал команду в секретариат не принимать от меня никаких заявлений. Делать нечего – надо было срочно звонить Горобцову. «Я ожидал этого, Сережа! Остается только один вариант – пиши заявление на увольнение. Приедешь сюда - я тебя восстановлю. У меня хорошие отношения с Департаментом кадрового обеспечения МВД России!» Так и сделали. Я написал заявление на увольнение из органов внутренних дел, и меня тут же вызвал к себе Соловьев. Нервы у него не выдержали, и он первым сошел с дистанции. «Воронин, я тебе подпишу перевод, только чтобы больше тебя никогда не видеть. Язык у тебя поганый, и сам ты – поганый человек. Пошел вон из моего института!» «Пошел ты сам на хер, дятел!» - громко произнес я, вышел из кабинета и так хлопнул дверью, что посыпалась штукатурка. Его секретарша Люба аж вздрогнула от неожиданности и со словами: «Я вам сейчас такое расскажу» - побежала к подругам в соседний кабинет. Так закончилась история моего «легендарного» противостояния с начальником Барнаульского юридического института МВД России генерал-майором милиции Соловьевым Владимиром Михайловичем.

Находясь сейчас в хабаровском госпитале МВД и оглядываясь на прожитые годы, я могу с уверенностью сказать, что единственным авторитетом в моей жизни всегда был и остается наш Отец – Создатель Всего Сущего, Господь Миров и Вседержитель. Бог для меня – это не какая-то абстракция или добрый дедушка с лицом Моисея. Бог для меня – это Океан Энергии, из которой соткан весь наш мир и наши тела. Указание на этот Океан есть даже в Коране. «Велик Аллах как океан!» - утверждает Коран, и с ним не поспоришь, читатель.

Даже человеческие души материальны, так как состоят из этой же энергетической плазмы и отправляются на верхний ярус в Океан уже после нашей физической смерти. В свое время мне довелось ознакомиться с уникальным трудом греческого философа Гермеса Трисмегиста. Вот как почти 2 тыс. лет тому назад описывает работу этого космического «инкубатора» Трисмегист (в переводе с греч. «Трижды Великий») в своем трактате «Герметический корпус». Однажды Гермесу приснилась встреча и разговор с Богом Осирисом:

- Как осуществляется странствие человека через мир видимый и невидимый? – спросил Гермес Бога Осириса.

- Видишь, - раздался голос Осириса,- светящийся посев, который ниспадает из пределов Млечного Пути в седьмую сферу созвездия Ориона? Это – зародыши душ человеческих. Они

живут, как легкие облака в царстве Сатурна, счастливые, беззаботные, но не сознающие своего счастья. Но, опускаясь из сферы в сферу, они облакаются в оболочки все более тяжелые. В каждом воплощении они приобретают новое телесное чувство, соответствующее обитаемой среде (**по-видимому, речь здесь как раз и идет об уплотнении материи под воздействием «разумной» гравитации и торсионных полей, о процессе появления твердого вещества во Вселенной**). Их жизненная энергия увеличивается; но по мере того, как они проникают в тела все более плотные, они теряют воспоминания о своем небесном происхождении. Так совершается падение душ, появляющихся из божественного эфира. Все более и более закованные в материю, все более опьяненные жизнью, они низвергаются, подобно огненному дождю.

- Могут ли души умирать? – спросил Гермес.

- Да, - ответил голос Осириса, - многие погибают, спускаясь в материю. Если душа в своей безудержной любви к материи потеряет воспоминание о своем происхождении, таившаяся в ней божественная искра, способная превратиться в сияющую звезду, возвращается обратно в эфирное пространство, и «душа рассеивается в вихрях грубых элементов». Только вдумайся, дорогой читатель: это было написано почти 2 тысячи лет тому назад!

Иначе говоря, души умерших людей никуда не исчезают после смерти, а находятся в Океане Энергии, дожидаясь подходящего физического тела на Земле. Так что индусы были абсолютно правы насчет реинкарнации душ и всего прочего, что есть в индуизме.

Духовная и Физическая Вселенные, одинаково сотканые из Энергии Океана, соседствуют рядом на Земле и на Небе. Творцы – музыканты, художники, ученые – являются подлинными творцами Духовной, Божественной Вселенной на Земле. Своим богодухновенным трудом они преумножают светлую Энергию Космоса, Энергию Созидания. А духовная многомерная Вселенная, то, что В.И. Вернадский называл ноосферой, в свою очередь, преобразует Физическую Вселенную, наш ограниченный четырехмерный материальный мир. Эта связь двусторонняя, причем причина и следствие в этом диалектическом процессе постоянно меняются местами.

Например, душевное здоровье человека обуславливает его физическое здоровье, и наоборот. В здоровом теле – здоровый дух. **Men sana in corpore sana!**

Таким образом, **смысл жизни Человека – на своем «рабочем»**

месте, доступными способами и изо дня в день, не думая о земной славе, в рамках своих природных возможностей познавать, духовно обогащать и преобразовывать Мир с помощью Знания, Красоты и Гармонии, увеличивая тем самым пространство Духовной Вселенной — Божественного Мира.

Слишком гордо и высокопарно звучит фраза о том, что люди творят Историю. Это не так. Бог - единственный и неповторимый Творец Истории. Люди - всего лишь актеры в Его театре, где только один Главный режиссер и драматург. Актеры могут быть гениальными, просто талантливыми и абсолютно бездарными, но общая драматургия произведения от этого не изменится. И это замечательно. Мировая практика показывает, что происходит, когда ход Истории отдается на откуп человеческим страстям.

Бог - Великий импровизатор, Он никогда не повторяется. Поэтому даже второе, неоднократно анонсированное Богом Пришествие Христа произойдет совершенно по другому, самому неожиданному сценарию. Аминь!

[1] **Лицо Бога на столбах** <https://rutube.ru/video/96b9a9427feb22daed8eb368e950a78b/>

[2] **Первое свидание** <https://rutube.ru/video/0bedebd49664f03a2ea80a2bb1c77dff/>

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>